

Арсений Замостьянов

ГОЛОС ДЕРЖАВИНА

14 июля (3-го июля по старому стилю) в сельце Сокуры Лаишевского уезда тогдашней Казанской губернии родился Гавриил Романович Державин (1743–1816), один из величайших русских людей.

Профессиональный путь Державина не поддаётся линейному исследованию. Кто он, поэт? Несомненно, и поэт великий, повлиявший на русскую литературу как никто, в допушкинскую пору. Государственный деятель? Просветитель? Идеолог молодой империи? Борец с коррупцией, с чиновничьим стяжательством? Всё это важно! Державин в минуту уныния придумал такую надгробную надпись для себя самого: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но, подавленный неправдою, пал, защищая законы». Да, наш поэт был неистовым ревнителем правосудия, борцом за правду. «И истину царям с улыбкой говорить» — это державинское кредо во все времена трудно исполнить. Нелицеприятные речи Державина не раз приводили в ужас царедворцев.

Если кто-то скажет, что Державин устарел, мы ответим россыпью крылатых выражений, которых из русского языка не вытравить: «Отечества и дым нам сладок и приятен», «Учиться никогда не поздно», «Умеренность есть лучший пир» или:

Осёл останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

А разве можно забыть величавый реквием русским героям из оды «На взятие Измаила»:

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрёт;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.

Времён в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь полъётся,

Когда по рощам разнесётся
Бессмертной лирой дел их звук.

Это коренная русская традиция — почитание павших воинов. Ведь идея Победы — основополагающая для нас. Стихи Державина звучат как

честная эпитафия и перед могилами героев Великой Отечественной. Это — на все времена.

В старой доброй серии «Жизнь замечательных людей», в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет биография Державина — «Пал я, вставал в мой век», в которой я попытался разобраться не только в перипетиях судьбы нашего героя, но и в его идеологии. Как-никак, Державин творил в период расцвета государства Российского. Державина усиливалась, крепла, проявлялись яркие явления в архитектуре, поэзии, живописи, просвещении, не говоря о военном искусстве. По тем временам Державин жил долго. Вообразим: он был современником Ломоносова, Сумарокова, Потёмкина, Румянцева, Кутузова, Крылова, Воронихина, Пушкина. Другом Суворова, Боровиковского, Фонвизина... Он был свидетелем гвардейского переворота, в результате которого к власти пришла Екатерина II. Державин участвовал в подавлении Пугачёвского восстания. Однажды ему пришлось столкнуться с Емельяном Пугачёвым лицом к лицу — в той погоне Державин чудом спасся. В 1812-м году Державин считал предательской политику, приведшую к успехам Наполеона, к падению Москвы. И он же приветствовал изгнание захватчиков за пределы России. В те годы он боролся против иностранного засилья в культуре, боролся за русский язык.

Как и в наше время, в начале XIX века Россия могла потерять культурный суверенитет, а вместе с ним и национальный характер. Только самоотверженное служение таких патриотов, как Державин остановило девятый вал аристократического «низкопоклонства перед Западом». Он начинал службу рядовым Преображенского полка и был едва ли не самым неимущим солдатом гвардии. Не имея ни средств, ни связей, долго пребывал в нижних чинах. А к сорока годам стал одним из наиболее влиятельных идеологов империи. Секрет прост: императрице пришлось по душе ироническое и восторженное стихотворение «Фелица», в котором Державин воспевал Екатерину без напыщенности, но «забавным русским слогом». А ведь никто не верил, что эти стихи можно публиковать: они казались непривычными, дерзновенными. Но Державин взлетел из неизвестности — и с той поры пребывал на заметных должностях. Губернатор в Петрозаводске, затем в Тамбове, секретарь самой императрицы, президент коммерц-коллегии, сенатор, министр юстиции... Вершитель судеб! Но с каждой должности он уходил после шумных конфликтов, потому что служить умел, но не желал уживаться с чиновничьей подлостью... А стихи Державина предвосхитили и воспитали золотой век русской литературы. Ему удавалось «громовыми»

КУЛЬТУРА

стихами выразить глубины метаний души человеческой — религиозные, гражданские, любовные. Судьба Державина вобрала в себя лучшие черты России того времени: оптимизм, веру в собственные силы, человечность и простоту, открытость, благородную воинственность.

Вот такая удивительная, истинно русская судьба. Только Россия предоставляет своим сынам возможность ярко проявить себя, испытать на прочность, встать во весь рост перед лицом *Истории*.

Державин задумывался: кто и на каких основаниях должен править страной? Этот вопрос много веков кружит головы, и мы-то знаем, что окончательного ответа не будет. Старший современник, А.П. Сумароков, настаивал на власти благородного общества — лучшей, просвещённой части дворянства. У крестьянского большинства просто не было шансов проникнуться идеями просвещения. Каждый опирается на собственный опыт... Сумароков был потомственным патрицием и стремился к патрицианской демократии. Державин, не попавший в престижный кадетский корпус, достиг вершин благодаря неустанному рвению и счастливому случаю. Он, как и Пётр Великий, акцентировал внимание на том, что дворянство есть служилая элита и только самоотверженная служба даёт ему право на привилегии. Без презре-

ния относился Державин к так называемой «черни».

Участвуя в подавлении Пугачёвского восстания, Державин осознавал (в отличие от многих соратников!), что одним страхом народ не утихомирить! Полгода в эпицентре гражданской войны стояли десятилетия: события и впечатление быстро наслаивались и смешивались, но Державин пришёл к трезвому выводу: «...надобно остановить грабительство или, чтоб сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей... Сколько я мог примечать, это лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому, что всякий, кто имеет с ним малейшее дело, грабит их. Это делает легковверную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая теперь свирепствует в нашем отечестве». Об этом Державин не на диссидентской кухне шептался, это — из письма казанскому губернатору Якову Ларионовичу фон Бранту. Как актуальны эти тревоги в наше время! Державин пытался пресекать «злонравие» помещиков, подчас относившихся к своим крепостным как к животным.

Указ Петра III «О вольности дворянства» и Жалованная грамота императрицы Екатерины облегчили жизнь привилегированного сословия. Больше прав, меньше обязан-

ностей — как изменилось благородное сословие от новых поблажек... Державин понимал: сокращая обязанности — неминуемо потеряешь и права.

Правда, и по новым законам дворяне, поступившие на военную службу, должны были отдать армии 12 лет. Допускалась преждевременная отставка офицеров — считалось, что, заслужив офицерское звание, дворянин уже отдал долг Отечеству и государю. Разумеется, никто не удерживал в армии раненых и тяжелобольных. Но появилась многочисленная и крикливая прослойка более-менее родовитых унтер-офицеров, не желавших служить. Особенно быстро покидали службу представители польской шляхты. И, в нарушение закона, их легко отпускали домой через год — другой формальной службы. Этот год-другой они нередко проводили дома, в учебном отпуску.

Против обязанностей воинской службы для дворян шумно выступил граф Северин Потоцкий.

В Сенате мнение Потоцкого нашло рьяных сторонников не только из числа поляков. Самые влиятельные вельможи разных поколений не побоялись поддержать вроде бы оппозиционное мнение. Император Александр вроде бы поддерживал сторонников воинской службы, но его любимцы, его молодые друзья и пожилые любимцы оказались сторонниками По-

тоцкого... А ведь то было время наполеоновского передела Европы — и Потоцкий в 1810-м году станет приветствовать появление Бонапарта в Польше. Соответствовали такие настроения интересам России? Державин резко выступил против дворян, не желавших «оплачивать» привилегии службой. И тут Гаврилу Романовича принялись третировать, пуская в ход самые подлые средства.

Во все времена неистовые ревнители либеральных реформ умеют устраивать травлю на оппонентов. Определение «либеральный», наверное, многим поднадоело, слишком часто мы этим словом бравуруем, но здесь вопрос принципиальный: кто предпочитает личное государственному, частное — общественному, красивую блажь — традиции, тот и есть либерал.

Развесёлые дворяне выставляли на перекрёстках бюсты Державина и обмазывали их грязью. Но ничто не могло остановить Гаврилу Романовича, убеждённого, что дворянин обязан служить государству. А иначе с какой стати ему хозяйничать, с какой стати мужики должны ему кланяться?

Поучительная история, не правда ли? Разве нам не знакомы представители «элиты», научившиеся наживать, но не желающие служить Отечеству?

Державин умел быть непреклонно принципиальным.

КУЛЬТУРА

Это ведь именно он написал вольнодумные строки, бичующие лощёного столоначальника, воплощение волокиты и халатности. По тем временам — стихи запредельно гневные:

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший

Принять по службе твой приказ,
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждёт тебя уж час!

«...»

А там, где жирный пёс лежит,
Гордится вратник галунами,
Займодавец полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит!

Вечный недуг. И среди наших современников найдётся немало виртуозов бюрократического футбола. Сколько благородных начинаний погребло в бесплодных попытках пробиться сквозь секретарские заслоны... В отличие от своего вельможного героя, Державин, став министром юстиции, принимает заботы ведомства близко к сердцу. Он работал, без преувеличений, от зари до зари, даже на дружеские литературные посиделки не хватало времени.

Державин скептически относился к проектам отмены крепостного права и стал ярким противником «прогрессивного» императорского указа «О вольных хлебопашцах».

Помещики получали право отпустить крестьян на волю с земельным участком за выкуп.

Державин считал это новшество нереалистичным и вредным — и, как очень скоро показала жизнь, не ошибался. За время правления Александра всего лишь 47 тысяч крестьян стали «вольными хлебопашцами», хотя император требовал от своих соратников — крупных землевладельцев — активно отпускать крестьян. Указами дело не поправишь, куда важнее насаждать просвещённое отношение помещиков к крепостным. Вот ретроград адмирал Шишков много лет не обременял своих крестьян оброком. Это — дело, а не прогрессивная болтовня, — так рассуждал Державин. Злонравие помещиков — не причина разрушать уклад. Во время обсуждения реформы Державин предложил Александру собрать предводителей дворянства со всей России, дабы они, под влиянием правительства, определили оптимальные размеры податей и повинностей и выявляли (для немедленного пресечения) проступки помещиков. Если при этом дворянство продолжит выполнять обязанности защитников и просветителей Отечества — это наиболее справедливая система. Император вроде бы согласился с Державиным и повелел Совету пересмотреть указ «о хлебопашцах». Но на следующий день к Державину явился вестник

богов Новосильцев и объявил царскую волю — немедленно принимать указ. Державин не уgomонился: он стал сколачивать оппозиционную группу в Сенате, чтобы обратиться к государю с протестом против либерального указа. Император возмутился: «Вы в Сенате критикуете мои указы!». Указ продавили. Но Державин не скрывал своего «особого мнения».

Отправляя старика в отставку, император Александр произнёс известную фразу: «Ты слишком ревностно служишь». Втайне Державин гордился такой формулировкой: он и стремился служить, не щадя живота своего, не считаясь с конъюнктурой. Служить Отечеству. Да, он был возмутителем спокойствия. В минуту отчаяния Державин пишет послание «К Правде» — предельно реалистичное:

Слуга, сударыня, покорный!
Пускай ты божеская дочь,
Я стал уж человек придворный
И различу, что день, что ночь.

Лет шестьдесят с тобой водился,
Лбом за тебя о стены бился,
Чтоб в верных слыть твоих слугах;
Но вижу, неба дочь прекрасна,

Что верность та моя напрасна:
С тобой я в чистых дураках!..

Но не стремиться к правде он не мог. Потому и после отставки проявил строптивость, отказался от роли «свадебного генерала». В результате император значительно сократил Державину пенсионное жа-

лованье и не наградил его орденом Андрея Первозванного... Но многие кавалеры высших царских наград забыты, а Державина Россия не забывала никогда.

Вспомним, что в 1933-м году именно с Державина началась одна из лучших советских книжных серий — «Библиотека поэта», созданная по инициативе А.М. Горького. Предисловие Ивана Виноградова, подготовка текстов Григория Гукковского — лучшие филологические умы открыли Державина читателю тридцатых годов.

Державина изучали в школе — в особенности оду «Властителем и судиям». Подчёркивалось всё вольнодумное, дерзновенное, что было у Державина. «Державин — бич вельмож» был актуален в тридцатые годы. А в предвоенное время по-новому зазвучали батальные гимны славных дедовских времён. Всенародным героем снова стал Суворов. В 1937-м году широко отмечалось 125-летие Отечественной войны 1812 года, не говоря уж о столетии дуэли А.С. Пушкина... В учебниках литературы мы видели картину Ильи Репина: «Пушкин на лицейском экзамене». Знаменитая сцена: старый поэт благословляет юного. Державин восторженно внимает лицеисту Пушкину...

К литературной классике в 1930-е стали относиться почтительно, как никогда. Только грустно, что казанский памятник великому поэту не уцелел.

КУЛЬТУРА

В 1943-м году, как водится, на государственном уровне отмечали юбилей Державина — 200 лет. Статья о поэте появилась тогда и в «Правде». Шла война. Патриотическая, батальная героика Державина в те дни зазвучала и в Москве, и в блокадном Ленинграде, в десятках университетов и педагогических институтах по всей стране... Красная армия сражалась с врагом под Курском — и по-новому звучали старинные стихи:

О, исполать, ребята,
Вам, русские солдаты,
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы.

Державиным восхищались! Научились восхищаться Державиным...

Лучшие издания Державина — это несколько томов, в разные годы выходивших в «Библиотеке поэта» и «Анакреонтические песни», вышедший в 1987-м году в «Литературных памятниках» под редакцией Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионина, Е.Н. Петровой. Из других редакторов и комментаторов Державина упомянем Д.Д. Благого, И.А. Виноградова, А.В. Западова, А.Я. Кучерова, Л.И. Тимофеева, В.А. Приходько, П.Г. Паламарчука. Каждый из них преподносил Державина массовому читателю с толком и с душой — нам в пример.

А как читал Державина Николай Анненков — актёр Малого театра, который и после столетнего

юбилея выходил на сцену. В его исполнении «Властителям и судиям» и «Бог» звучали как подлинные пророчества.

В серии «Жизнь замечательных людей» в 1958-м году вышла монография Александра Васильевича Западова о Державине — труд филолога, замечательного публикатора державинской поэзии.

Другой исследователь, Олег Николаевич Михайлов, в нашей словесности служит открывателем новых земель, в том числе и «хорошо забытых старых». О Державине он написал без оглядки на конъюнктуру. Просто объяснился в любви XVIII веку, временам, когда Россия крепко стояла на ногах и била врагов. В середине семидесятых михайловская повесть о Державине «Громо-вой пролети струей» вышла в серии ЖЗЛ. 9 мая этого года Олег Николаевич погиб при пожаре на даче в Переделкине. Погиб и бесценный архив писателя. Год назад ему исполнилось восемьдесят... Следствие связывает трагедию с переделом собственности Литфонда. Да, сегодня правят балом люди, живущие ради барыша, а не служения Отечеству...

Для многих открывателем Державина стал Владимир Солоухин: его эссе «Посещение Званки» незабываемо. Верой и правдой служил Державину Пётр Георгиевич Паламарчук: его литературным дебютом стала повесть «Един Державин»,

Арсений Замостьянов **Голос Державина**

а уж потом Паламарчук опубликовал и комментировал «Записки Державина», его, казалось бы, канувшие в реку забвенья прозаические отрывки. Прозу Державина — допушкинскую труднодостижимую прозу в 1983 — 85-м Паламарчуку удалось издать почти полумиллионным тиражом! И ведь не мариновались эти книги на прилавках, их действительно читали. Вот она, эпоха литературоцентризма и книжного бума. А главное, эпоха победившего просвещения.

Мы многое потеряли с восьмидесятых годов. Запретных тем нынче вроде бы немного, но и наклонность к литературе, к просвещению в людях не воспитывается,

а уничтожается. Судьба Державина нам в утешение. Из нищеты, из безвестности он — не считаясь с политесом! — возвысился и достиг не только «высоких степеней», не только монаршьего доверия, но и бессмертия. Ведь он живой. Ведь мы учимся у него, разговариваем с ним. Падаем, как Державин, и пытаемся встать, возродиться — по примеру Гаврилы Романовича. И когда-нибудь споём полным голосом: «Гром Победы, раздавайся!». И это будет не антикварный напев из старины далёкой, а гимн самой настоящей России, который отзывается в нашем сегодняшнем и завтрашнем дне.